НАЗВАНИЕ: АНТОЛОГИЯ ЖЕНЩИНЫ

АВТОР: СОКОЛОВА МАРТА

(16+

Марта Соколова

Антология женщины

«Автор»
2026

Соколова М.

Антология женщины / М. Соколова — «Автор», 2026

Развод казался Инге началом новой, свободной жизни, где обиды на мужа наконец уйдут в небытие. Но, оказавшись с двумя детьми, наедине с собственными мыслями, героиня начинает заново проживать каждую минуту их совместной истории: и периоды абсолютного счастья, и тяжелые, незабывающиеся ссоры. Проходит время, и она с горечью понимает: иллюзия свободы ничтожна по сравнению с тем драгоценным даром, который они не сумели уберечь. Есть ли у разбитой любви шанс на второе рождение?

© Соколова М., 2026
© Автор, 2026

Марта Соколова
Антология женщины

АНТОЛОГИЯ ЖЕНЩИНЫ

Летела чайка над морем. Летела, разрезая воздух белоснежными крыльями. И не было ей, прекрасной свободной птице, ни гнезда, ни места на этой огромной земле…

Глава 1

Раскисшее осеннее небо. Предчувствие дождя, предчувствие беды разливалось острой давящей болью у самого сердца, заставляя Ингу плотнее стягивать полы старого плаща. Владимир был ее последним шансом начать новую жизнь. В его тихом простом присутствии возрождались, несмело и робко, частички потрепанной женственности. А, может, и простого уважения к себе – одинокой матери двух детей, оставшейся, как и тысячи других женщин, не у дел после развода. И сегодня все это оказалось обманом. Очередной иллюзией, в которую Инга поверила с простотой доверчивой души. Наверное, наш мир, вопреки досужим утверждениям, бессовестно безразличен и унизительно расчетлив. Иначе как объяснить то, что умный интеллигентный мужчина может оставить умную интеллигентную женщину без объяснений, не составив себе труда извинится, даже не взяв на себя грех простой необременительной лжи…

Закрапал мелкий осенний дождик, а через мгновение – настоящий осенний ливень обрушился на пешеходов, неразумно блуждающих в темноте. Без зонтика, с волосами, повисшими мокрыми сосульками, Инга оказалась в кафе. Официантка посмотрела на нее снисходительно и принесла кофе – горячий, с рыхлой дрожащей пенкой от молока. Раскаленная жидкость опалила рот, Инга дернулась и отодвинула чашку. Конечно, чего еще можно было ожидать от этого гадкого дня...

Повозившись, она достала из сумочки потертую пудреницу. Вот если бы снова восемнадцать! Тогда можно с безграничным оптимизмом верить в прекрасное будущее. И ждать, без ропота и сомнений, свою птицу удачи. И, даже если эта птица не с первого раза постучится в твое окно, у тебя есть еще время – мечтать, надеяться, верить. Но что же делать, если вот здесь, в мутном зеркале с трещинкой в правом углу, так четко отражен образ тридцатишестилетней одинокой женщины. Не очень модной. Не очень ухоженной и – несчастливой. На соседнем столике громко звякнула чайная ложка. Так звенят деньги, когда они – есть. Если бы у Инги так звякали карманы, она бы рванула в кругосветное путешествие, поднялась на Эверест, потрепала бы за холку косматого хозяина саванны. Да и много чего придумала. Не может такого быть, чтобы на всем белом свете не нашлось для нее мужчины. Можно немолодого. Но доброго, умного, немножко богатого. Но денег у Инги тоже не было. Ну что же это за фатальное неумение жить? Неумение брать за горло собственную судьбу, пока та не начнет откупаться дарами этого мира? Что за глупая беспомощность перед самой собой, перед напором чужих, не всегда справедливых мнений, да и вообще – перед этой серой, как прокисшее небо, жизнью…

И вот уже в глазах застыли непрошеные слезы. Боясь разреветься прямо на глазах у любопытной публики, Инга выбежала на улицу. А дождь все лил – правда слабее и реже. И по асфальту, резво перепрыгивая порожки, бежала перемешанная с грязью вода. Она быстро набралась в туфли, и весело хлюпала в них при каждом осторожном шаге. Мимо мчались автомобили и короткими перебежками – случайные прохожие. И никому и ничему на этой планете не было дела до одинокой, промокшей насквозь женщины с сумочкой в озябших руках. А Инге отчаянно, до изнуряющей боли внутри хотелось, чтобы кто-нибудь прямо сейчас обнял ее поникшие плечи и от всей души – пожалел.

Вагон метро тисками сдавил ее беспомощную плоть. Кто-то навалился на Ингу грудью, кто-то ловко запихнул под ноги матерчатую тележку на колесиках – и некуда было деться от навязчивого грубого присутствия. Люди задевали ее плечами, сумками, дышали в лицо. И каждый из них, толстый и тонкий, в пиджаке и в потертой куртке, являлся как бы непрошеным участником ее, Ингиного существования на этой земле. И от этого еще больше, еще отчаяннее хотелось зареветь. Инга не выдержала и, отпихнув чью-то волосатую руку, перекрывавшую вход, как железнодорожный шлагбаум, выбежала прочь. Мраморная скамейка – вряд ли очень чистая – была пустой. Инга упала на холодный неприветливый камень и – закрыла глаза. Грохот электричек, шум безучастной толпы, одинокие голоса – яростно обрушились на поверженное тело. Но Инге было уже все равно. Пусть ревет и стенает стихия, пусть бьется в конвульсиях мир. Им не победить того, кто уже оглушен и раздавлен. Не лишить радости сердце, полное безмерной тоски.

Можно ли сильнее обидеть женщину, чем объявить о ее несостоятельности? Не высказать вслух, а молча, неожиданным уходом как бы дать понять, что она не умна, не привлекательна, не интересна. И что даже взрослому одинокому мужчине, потрепанному жизнью, немолодому и не очень-то даже успешному, ее общество показалось утомительным и пустым.

Дома не хотелось ни смотреть телевизор, ни вязать. Что-то сломалось в ее обманутом сердце. Вместе с надеждой ушло ожидание лучшего будущего, стремление двигаться, строить планы, мечтать. Вместо этого пришла долгая, звенящая – пустота. Инга вздохнула и затеяла пельмени. Французы создали кулинарию, как искусство, русские – как целительный бальзам. Капитуляция была добровольной и решительной – Инге больше не хотелось устраивать свою личную жизнь. Хватит с нее детей, работы и быта. Это была безопасная гавань, и она, вздохнув почти с облегчением, окончательно подняла на своем паруснике белый флаг. Но как раз, когда Инга вытирала мучные руки о передник, началась ее новая история любви и – почти – жизни.

Глава 2

Инга – женщина в том классическом содержании этого слова, какое заложила в него мать-природа, пока, отряхивая с гигантских рук мраморную пыль, осматривала произведение своего искусства. Впрочем, по мнению Инги, из некоторой врожденной вредности или просто так, из любопытства, мать-природа, созидая ее, как женщину, несколько переборщила в ваянии нижней части тела и недоглядела в верхней. И оттого, вопреки мировым стандартам, Инга носила кофточки на размер меньше, чем юбочки. Но ощущение мягкой гармоничности и доверчивый взгляд ласковых, серо-голубых глаз были ненавязчивы и приятны.

Тем не менее хронология любовных событий Инги была очень скромная и исторического интереса не представляла. И только одно полузабытое воспоминание выбивалось из колеи ее размеренной жизни. Точнее, это потом оно стало воспоминанием. Тогда же, в четырнадцать лет, это был кусок ее жизни, выдранный «с мясом» из плоти ее девичьего бытия.

Инга в четырнадцать лет – это такое некрасивое, но с какой-то милой задоринкой лицо, два хвостика по бокам, синее платье с оборочкой. Так вот, платьице было коротким, мыслишки и того короче, а вот любовь, которая пришла в ее жизнь нежданно-негаданно была долгой, серьезной, вдумчивой. Мальчик приглянулся ей очень подходящий. Наплакались те мамы, чьи дочки-тихони-отличницы влюбляются в хулиганов-двоечников. Ингина мама таких забот не знала. Мальчика звали Игорь. Игорек, по-нашему. Обстоятельства, при которых они «встретились», точнее посмотрели друг на друга впервые за долгие годы совместной учебы были до такой степени неприглядными, что позже Инга сочинила себе более подходящую легенду, в которую сама поверила. «Мы в магазине велосипеды выбирали».

На самом деле мужская часть населения 8 класса «Б» решила взять ураганным штурмом раздевалку, в которой обитала девическая часть населения класса «Б». Что они и осуществили

с грохотом, криками и, естественно, страшным визгом побежденной стороны. Машка Васильева – девица уже почти на выданье – с могучим торсом и толстыми хваткими руками молотила захватчиков ранцем, Илона навзрыд плакала, и – в общем – вокруг был чудовищный хаос и неразбериха. А Инга отчего-то не плакала и не дралась, а стояла, забившись в угол, прижав к тощей груди платьице. И, когда ее растерянные глаза смотрели на все это отвратительное безобразие, им вдруг встретились другие единственные осмысленные глаза; и было в этом одиноком взгляде что-то такое, от чего у Инги заметалось и забилось сердце. Так возникла эта любовь.

Справедливости ради надо сказать, что то, что начинается гадко, обычно заканчивается так же. Ингина история исключением не стала. Любовь была первая (и этим, в принципе, все сказано), робкая, трогательная. Слезы со вкусом сладости, радость с привкусом горечи – все это было испытано, прочувствовано, пережито и все – односторонне. Этот взгляд в раздевалке, который для Инги значил больше всего на свете, был единственным и последним.

А, если отвлечься от истории Ингиной жизни, и подойти беспристрастно к жизни обычного городского мальчика Игорька, то получится вот что: Игорек, он же Славин Игорь Александрович, участвовал в штурме женской раздевалки не совсем по доброй воле. С ребятами он дружил, дружбу эту ценил и от коллектива не отрывался. Поэтому глуповатая и, прямо скажем, грубая мальчишеская выходка сразу показавшаяся ему верхом тупизма, была ему чуждой. А когда распахнулись двери запретного, и он увидел кое-как одетых, всклокоченных, визжащих дикими голосами девочек, его чуть не стошнило прямо на вымытый школьный пол. Потом, несколько лет спустя эта проявленная им брезгливость окажется чувством гораздо более отвратительным, чем подростковое хулиганство. Он познал женщину, как красивое животное. Не прощал обид и измен и неоднократно был справедливо обвинен в рукоприкладстве. Но это все было уже далеко потом. В школе Игорек был довольно приятным мальчиком.

Но Инга увидела в этом взгляде многое из того, что рождает единство душ и почувствовала дыхание той силы, которая неумолимо тянет людей друг к другу. И в этом была какая-то часть действительности: ведь они нашли друг друга в этом хаосе страстей. Но правда была еще и в другом: гадкий утенок Инга с несформировавшейся фигурой, полными ножками и обкусанными ногтями была Игорю так же неинтересна, как фикус, стоящий на окне в классе. И, если бы этот фикус загнулся от неумелого детского ухода, он бы не вспомнил о нем и через год.

Сначала Инга мечтала. Это был прекрасный период ее любви, потому что никто не может помешать человеку летать в облаках. Конечно, разрешала списывать и робко, с тоской любящей женщины отдавала тетрадки с задачками. Игорь благодарил, но даже не смотрел на нее. Потом, когда уже девочки начали осторожно хихикать, насторожился, но, ничего не понял. Кто их там разберет, этих «баб». Потом была записка, подброшенная в учебник биологии. Игорь нахмурился и долго искал глазами по классу. Ничего не нашел, но получил двойку за «верчение» А потом грянул день, который, если бы Ингу спросили, она бы потихоньку вычеркнула из своей жизни. Ну, стало бы одним днем меньше. Иногда меньше – значит лучше.

Была лабораторная работа - одна из таких тем, которую обычному среднестатистическому человеку не постигнуть и за тысячу лет. Игорь, уже почти по привычке перегнулся через стол к Инге, и она, замирая и дрожа от трогательности момента, втолковывала ему, как построить химическую цепочку. Когда Игорь в очередной раз безнадежно ничего не понял, он сдвинул густые брови, и подсунул ей бумажку.

- Можешь мне написать?

Когда Игорь что-то просил, он всегда немного хмурился и, отбросив со лба прядь темных волос, говорил как-то очень по-взрослому.

- Могу. Я для тебя все могу…

Конечно, это услышали все. Конечно, все ржали, как стадо сытых коней, и даже учительница по химии смеялась в кулачок. Ненависть – самая настоящая - вспыхнула в глазах маль-

чика, и с такой силой ударила Ингу по лицу, что она отшатнулась, раскрыв побелевшие губы. А потом была перемена, на которой Инге пришлось услышать про себя все. Не стесняясь учительницы, которая только собирала сумку, громко, на весь класс, Игорь дал Инге подробную характеристику, не пропустив ни одного пункта из списка тех качеств, которых Инге катастрофически не хватало для осознания себя женщиной. Лексикон, который пошел у него в ход был такой, что двоечники на последних партах визжали от восторга, а в конце (благо, что вышла учительница) он прибавил еще пару таких слов, с которыми многие из присутствующих в силу возраста еще не были знакомы…

Единственное обстоятельство, которое можно было добавить к этой истории, заключалось в следующем: Игорю как раз в это время очень нравилась девочка из класса. Она была очень красивая и взрослая (чужие люди запросто давали ей 19-20). И именно эта зрелость не только очень нравилась Игорю, но и осторожно наводила его на мысль, что молодая красавица уже перешагнула порог своего детства. И это привлекало его еще больше, потому что сулило познание такого опыта наслаждений, какой был ему незнаком. Естественно, находясь на вершине всеобщего любования, Виолетта давно не общалась со всякими «хлюпиками» и малолетками. А перспектива прослыть поклонником девочки-припевочки Инги прямиком отправляла его в эту позорную категорию.

На следующий день Инга заболела воспалением легких. Наверное, она простудилась, пока шла, расстегнутая, из школы, волоча за собой ранец и тяжелые, хвостом тянувшиеся за ней мысли. Шапка у нее была набекрень, «все уши на улице» - как сказала бы мама. Но та была на работе, и пришла уже поздно, когда температура у Инги была ровно тридцать девять градусов.

Но…все забывается. С долгой мучительной болезнью, с весенними каникулами, пришедшими после нее, как-то все улеглось. Точнее, призабылось в классе. Весна вступала в свои права. В городе прошло несколько концертов таких модных исполнителей, что скорая увозила с каждого из них целую гроздь помятых фанатов. Кто-то в классе раздобыл автограф звезды и теперь целыми днями «целовал песок» по которому она (то есть звезда) ходила. Правда звезда вообще не ходила, а ездила в лимузине или тряслась на сцене, но это все глупости и придирки.

Не забылось все в Ингиной душе. Ингина мама была особа специфическая, но в этот раз - единственный, наверное, в жизни - она сделала такую вещь, за которую Инга была благодарна ей до конца своих дней. Увидев, что с дочкой творится неладное, она не стала ничего дознаваться, а собрала тихонько ее вещички и отправила неизвестно к какой (седьмая вода на киселе) тетке в Геленджик. Откуда взялась эта тетя и куда делась потом, Инга так и не узнала. Зато узнала, что такое море. Как оно шумит и движется. Море трогало, волновало ее душу, перебирало, как голыши, воспоминания, события, мысли. Были в этом море черные камешки: про Игоря и про любовь к нему. Были и белые – про Игоря и про любовь к нему. Ровное монотонное течение волн зализывало ее раны. «Ничего», - шептали соленые барашки, размывая песок под ее ногами, - «ничего»… А дальше нельзя было разобрать – но мнилось в этом сладком шепоте обещание чего-то необыкновенного, важного – чего никогда не было, но только готовилось стать в ее жизни…

Она чертила на песке человечков, с наслаждением погружая пальцы в его зыбкую тягучую плоть, умывалась морской водой. И, когда струи воды стекали ей по груди на обнаженный живот, на колени, в ее молодом нетронутом теле робко, но настойчиво пробуждались воспоминания и первые, еще не увидевшие света, желания. Потому что только теперь, с рухнувшими надеждами, жажда ответной любви, близости, взаимного притяжения воплотилась в ней во всей своей силе. И от того еще сильнее вспыхивала в сердце неразделенная, невыплаканная тоска…

Загорелый до черноты мальчишка, «абориген», подарил ей засушенного морского ежа. Инга разложила платок и, разместив на нем колючее чудовище, разговаривала с ним долгими,

переходящими далеко за полночь вечерами. Тихими и беззвучными были эти беседы. На языке четырнадцатилетней девочки еще нет таких слов, чтобы описать боль безвозвратно ушедшей любви, запоздалое разочарование от того, как неоправданно грубо закончился этот первый опыт ее взрослой жизни и первых отношений. Еж, конечно, был еще более немногословен. Он все понимал (как казалось девочке – девушке Инге), шевелил сушеным умишком и жалел ее маленькими стеклянными глазками.

Вряд ли ты когда-нибудь подумаешь об этом, Инга, но как хорошо все-таки, что эта нежданная-негаданная любовь закончилась таким стремительным и безнадежным провалом! А четыре месяца спустя Ингина мама получила обратно вместо своей девочки очень взрослую, значительно похорошевшую под южным солнцем девушку с белокурыми, выгоревшими волосами и загорелой до черноты кожей.

Ингина любовь тоже как будто загорела, то есть выгорела. Только на ее месте остался кривой уродливый шрам. Как всегда после срочных операций, когда клиента швыряют с носилок скорой помощи прямо на операционный стол, а хирург попадает в перчатки обеими ладонями сразу, потому что рядом сидит, ухмыляясь, черная старуха с хронометром в костлявой руке.

Первого сентября Инга шла в школу уже почти спокойно. Она выросла и окрепла, поэтому все детские колготки и платьица-коротышки были завязаны в узлы и брошены на балкон, а Инге были куплены брюки, модные свитера со стразами и платье – почти совершенно взрослое. Ну, и к ним, конечно, появились туфли и великолепная дамская – мама расстаралась – сумка на длинном ремешке. Одноклассники, не видевшие Ингу полгода, прибалдели от такой перемены и повели себя довольно скромно – по крайней мере, про тот случай больше не вспоминали…

Глава 3

Когда у женщины не складывается личная жизнь, ее душа бессознательно стремится к коллективу. Коллектив корпорации, в которой работала Инга, был преимущественно женский, а потому невероятно болтливый и настойчивый. Население кафе, в котором происходило основное количество посиделок, делилось на две категории обедающих. Основное большинство – это женщины, стремящиеся похудеть. Они ели суп, салат и с тоской поглядывали на оппозиционную партию: эти счастливые обладательницы идеального метаболизма заказывали толстые куски шоколадного торта, сливочные круассаны и капучино с корицей. Но это все для тех, кому не знакомы вздохи разочарования в примерочной кабинке.

Инга взяла язык с горошком, и пристроилась к «своим». Жанночка, довольная и загоревшая, вернулась из Египта. Она рассказала уже про отель, еду и море, а также про красивого гида – египтянина, который так усердно показывал ей местные достопримечательности, что вышел скандал с мужем.

Инга слушала, но вполуха, глядя на панорамное окно. На его подоконнике сидела фарфоровая кошка. То ли это была копилка, то ли забытая игрушка с отколотым носом. Когда-то в детстве у Инги был почти такой же мягкий белый котенок. Подарок первого кавалера – мужчины. Мужчина, правда, оказался маловат, ростом немногим выше песочного ведра, но это к делу не относится. Так, прямо во дворе, в песочнице с деревянным козырьком, произошла первая в ее жизни драма любви. Потом котенок долго жил за диваном. Потом у него оторвалась лапка и, кажется, пуговичный глазик. Девочка в белом сарафанчике, в трусиках в синий горошек – кто бы узнал ее сейчас во взрослой одинокой женщине за столиком кафе...

- Инга, ты как? – вдруг спросила Алена.

Инга не сразу расслышала свое имя, но, отвлекшись от мыслей, пожала плечами и неопределенно отвела глаза. О чем было говорить…

- Что, Владимир так и не позвонил?

- Нет.

- Ну и кавалеры пошли! – громко прогудела Ольга, - так что все кафе разом обернулось.

- А муж-то, Алексей, приходит?

Инга пожала плечами.

- Ну так ты позови! – так же громко и удивленно сказала Ольга, вздрагивая пышным бюстом, - Пусть хоть картошки принесет!

- Да причем тут картошка? Тоже мне, мужчина, бросил ее с двумя детьми! Что же он, не понимает, что женщине одной не справиться?

Распаленная южным солнцем и, наверное, до сих пор вспоминающая казус с красивым египтянином, Жанна возмущалась от всей души.

- Семь лет «не разлей вода», а теперь хоть бы навестил. Хоть бы… ну хоть бы картошки принес! – Жанна положительно «завелась».

А Инга слушала, но думала о своем. Почему-то сейчас, после стольких тяжелых лет, она впервые по-настоящему задумалась о бывшем муже, об Алексее. Как бы это ни было странно, но ведь они полюбили друг друга, как истинные мужчина и женщина. И разошлись – по той же самой причине.

Когда косматое четвероногое существо впервые с удивлением встало на задние лапы и оглядело землю с высоты своего нового роста, оно почесало когтем в затылке и сморщило обезьянье лицо. Тогда рядом с ним поднялось существо пониже - с копной смоляных волос и маникюром на руках. С тех пор оба существа редко видели вдвоем (хотя они успели произвести на свет кучу лохматых вертлявых малышей). Существо покрупнее часто видели в гараже, с приятелями на футболе, с приятелями в баре и лежа на удобной модной конструкции из мягких пальмовых листьев. А существо поменьше – на распродажах (она чует их издалека своим великолепным обонянием), в салонах красоты и с подругами в кафе.

Примерно с тех самых времен у мужчины и женщины на генетическом уровне определился строгий порядок распределения интересов. Изредка происходят бурные, не всегда обходящиеся без жертв революции, когда тот или иной индивид пытается жидким, но уверенным голосишком перекричать оглушительный рев движущейся цивилизации. Это происходило, например, когда женщина, задравши юбку (ажно панталоны засверкали) полезла на баррикады и объявила себя «товарищем». Или когда мужчина, напялив розовые лосины, стал искать свой путь в гендерной философии. Все эти тихие и громкие примеры помешательства были Инге совершенно чужды. Она родилась девочкой, преобразовалась в девушку и затем совершенно гармонично преобразилась в женщину. История с Игорем отбила у нее охоту форсировать события своей девичьей жизни, и к девятнадцати годам, к замужеству, она – о, ужас! (хотя, почему, собственно?) была так же неопытна и невинна в вопросах любовных наслаждений, как десять лет назад. Зато все самые нежные чувственные переживания, от которых кружится в сладком томлении голова; все, что глубоко и сложно раскрывается в душе, тревожимой любовью – все это было сполна познано ею, и запомнилось навсегда.

Когда Алексей появился в их доме первый раз, Инга сидела на горшке и громко нудно ревела, размазывая по толстым щекам слезы и яблочное пюре. Увидев перед собой чужого насупленного мальчика в шароварчиках и рубашке с закатанными рукавами, она надулась еще больше, и маленькую квартиру огласил такой безудержный вой, что мама бросила гостей и со словами «Наказание ты мое!» и «Да когда ты угомонишься!» втайне от всех произвела воспитательную работу. Эффект от работы получился великолепный: Инга успокоилась и только незаметно потирала мягкое место… Ей заново повязали бант и усадили за стол рядом – о! это была ошибка – с женой дяди Володи, которой доверили обслуживание целой банды собственных сыновей, племянника Алешку и колобок в кружевном платьице – Ингу. Конечно тетя Наташа с ног сбилась, пытаясь накормить всю эту кучу ребятишек. Ее собственные дети – бравые щекастые парни от пяти до восьми с половиной лет дружно налегали на вилки, и

при этом непрерывно опрокидывали на скатерть стаканы, окунали локти в соседские тарелки, толкались, роняли на пол еду и тапочки, и в общем представляли собой совершенный моветон.

Алешка – рыжеватый, нескладный, чувствовал себя неуютно среди кучи взрослых малознакомых людей, но медленно жевал. Зато никакие ложки «за маму», «за хомячка Борьку», никакие обещания погулять и показать «настоящую живую обезьянку» не могли заставить Ингу проглотить хотя бы одну ложку еды. Бедная тетя Наташа извивалась ужом, пытаясь протиснуть сквозь сомкнутые Ингины зубы кусочек пирожка или огурчика – Инга была непоколебима, как скала. Много лет спустя Инга увидела в чьем-то семейном альбоме фотографию того знаменательного дня: надутая девочка с упрямо сдвинутыми короткими бровями, а перед ней тетя Наташа с ложкой и выразительно открытым ртом. Гости ушли поздно вечером, когда Ингу уже положили спать, а ночью родители проснулись от того, что кто-то громко шуршал на кухне. Картина, которую застали обалдевшие родители была следующей: изголодавшаяся Инга сидит на табуретке, отрывает куски от большой белой булки и запихивает в рот.

Потом, на протяжении Ингиного детства, было еще много семейных праздников, когда в доме сочно пахло жареной уткой с картошкой, фруктами и когда на столе появлялась тяжелая хрустальная ваза с конфетами, из которой можно было без зазрения совести стянуть пару «Красных шапочек». Бумажки от этих «Шапочек» неоднократно потом объявлялись за батареей или под матрасом. И, когда уже всякое терпение от предвкушения вкусной еды, шумного праздника заканчивалось, в двери громко заваливалась семья дяди Володи, протягивая цветы, пакеты с мандаринами, печенье в круглой железной коробке с картинками. Сыновья дяди Володи все активнее начинали подпирать лбами косяки дверей, дядя Володя больше раздавался вширь, тетя Наташа как-то незаметно старела, но ощущение шумного говорливого праздника от этой веселой суматошной семьи не проходило. Отношения недоверчивой девочки в вышитом белом платьице Инги и насупленного тихого Алешки были взаимно-равнодушные и спокойные. Потом Алеша – уже высоченный юноша-подросток с ломающимся голосом пропал из поля зрения надолго, пока не появился на пикнике – невероятно взрослый, со спокойным взглядом серых внимательных глаз.

Их первое с Алексеем свидание получилось неожиданно и, как будто, само собою. Инга так хорошо помнила этот день, что, чтобы ни случалось потом в ее суматошной беспокойной жизни, стоило ей замереть и задуматься, как перед глазами поднималась то небо. Огромное – от края до края, синее, как гроздья самых синих полевых цветов. Налитое лазурью так, что больно смотреть глазам. И крошечное, похожее на конька, облачко, задернутое ветром на самый дальний уголочек этого простора. Он принес на своих копытцах ей счастье, этот сделанный из небесной ваты конек-горбунок. А запах душного июньского полудня с порывами резвого шаловливого ветра – от него трепещут ноздри, и в сердце разгорается такая необъяснимая широкая радость, что стоит лишь раскинуть руки и упадешь с головою в огромное – до краев вселенной - счастье. Ветер сдернул с ее головы соломенную шляпу, и та запрыгала по скошенному лугу как живая, да так резво, что догонять ее пришлось бегом, да и бегом-то поторапливаться. Пока Инга бегала за шляпой и брела обратно, запыхавшись от неожиданного бега, в мире и в жизни одного человека произошло событие, о котором Инга узнала уже позже. Это ей казалось, что она, неуклюжая («4» с длиннющим минусом по физкультуре), смешно размахивая руками, прыгает через борозды, от чего колоколом вздувается белый в синий горошек сарафан, открывая круглые коленки. Потому что были другие глаза, ошеломленные, очарованные, в которых бежала по растрепанной траве девушка в белом сарафане, с волосами цвета темного льна. Бежала – будто рвалась в синее небо лебедушка, разгоняя ветер белоснежными крыльями. И когда эта девушка-лебедушка поплыла обратно, осторожно ступая маленькими ногами, то и небо, и ветер, и даже колосья примятой травы заплакали, оттого, что уходила от них красота и любовь их несказанная. Всего этого не знала птица-девушка-Инга, и потому

только, смущаясь, спрятав за ухо непослушную челку, присела на краешек покрывала и натянула на коленки строптивый подол.

Всеобщим весельем руководил дядя Володя. Организатор крепкой многолетней закалки, он не суетился, не бегал, а только поворачивался вокруг своего солидного, с правильный спелый арбуз, живота и за шутками и анекдотами руководил процессом.

Скоро на импровизированной скатерти пикника появилось такое разнообразие закусок, что у присутствующих от аппетита все посторонние, не относящиеся к вопросу еды мысли испарились. Угощались: сочными круглобокими пирожками с мясом, яйцами и жареным луком; пирожками с картошкой, от которых за версту шел запах нежной прожаренной ветчины. Закусывали сэндвичами с курицей и хрустящим беконом, разложенными на разном салате и помидорчиках, с крупными кольцами красного ялтинского лука. Заедали селедочкой, поддевали вилками золотистые брюшки шпротин, и запивали всю эту благодать из всех рюмок и стаканчиков. А укомплектовавшись всей этой съестной номенклатурой, развалились от невозможности двигаться, разговаривать, да и вообще дышать, на пледах, и уставились в облака.

Пока все кушали, Инга, проголодавшись, тоже закладывала за обе щеки бутерброды, умудряясь заедать эту вкуснятину то сочным ломтиком помидора, то хрустящим огурцом. Ей налили какой-то сладкой, домашнего изделия наливки, и от нее весело кружилась голова, и руки еще больше тянулись к пирожкам и шоколаду. В общем, Инга, пользуясь моментом, хомячила без зазрения совести, нимало не думая об этикете и радовалась солнцу, каникулам и собственному аппетиту. Пока не подняла глаза, и не увидела такой взгляд, от которого поплыли в далекие дали все воспоминания о первой неудачной любви, все ненужные мысли и нестоящие события…

Есть такая непризнанная и недоказанная наукой вещь, как женская интуиция. Любопытный парадокс этого явления состоит в том, что зачастую интуитивные откровения можно легко объяснить. Их основание лежит в самом непрактичном качестве женщины: неумении анализировать и «раскладывать по полочкам» полученную информацию. Но стоит только дернуть за нужную ниточку - и картинка собирается целиком. А, поскольку этот процесс происходит бессознательно, кажется, что сделанные тонко, с многократным опережением событий выводы, - настоящее чудо экстрасенсорики. Но бывают случаи, когда мотивы инсайта непостижимы. Откровение рождается само, как дитя непорочного зачатия. И, когда это небо, и запах лета, и эти глаза слились для Инги в одно глубокое предчувствие восходящего счастья, она просто шагнула ему навстречу и, протянув руки, сняла с небосклона свою звезду…

Алексей был довольно высок, широк в плечах и крепок, как молодой дубок. Единственным недостатком были его очень большие, грубоватые на вид руки. Но и эти руки, так же как его глаза, и волосы, и робкие ухаживания Инга полюбила одинаково сильно и не замечала этой дисгармонии… Они побродили по лугу. Алексей находил и приносил ей смешные и приятные вещи: кучу веточек земляники, и Инга слизывала с плодоножек отяжелевшие, переспелые ягоды. Старый трухлявый белый гриб, который пришлось выбросить. Крупный цветок репейника на жирной волосатой ножке. А в полуденном зное, где-то высоко над их головами, висел, дрожа, и разливаясь трелью, серый жаворонок. И что-то тайное, глубокое, невидимое глазу, но остро ощущаемое внутри, созидалось между ними, сплетаясь все крепче; и уже жил среди всей этой благодати их особый отдельный мир, в котором не было места прошлому, но существовало одно только прекрасное, уже ожидаемое будущее.

Когда все расположились на отдых, они легли рядышком – поболтать, но не произнесли за все это время ни единого слова. Было так необыкновенно и немножко страшно от этой близости, от порывов юной безмятежной молодости, которые так явно будоражили их покой. От глаз прямо напротив друг друга, и от того, что рука Инги едва заметно касалась руки малознакомого, но отчего-то близкого человека. Оттого, что ее волосы как-то незаметно переплелись

с его волосами, и еще – оттого, что было потом, но уже как бы случилось между ними в этом мистическом, глазом невидимом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.